

Метафизика сновидений

Предлагаемый этюд посвящен не сновидениям вообще, но лишь одной определенной группе сновидений. Это сновидения, вызванные тем или иным внешним воздействием на сознание спящего. Вот типичный пример такого сновидения: «спящий пережил чуть ли не год или более французской революции, присутствовал при самом ее зарождении и, кажется, участвовал в ней, а затем, после долгих и сложных приключений, с преследованиями и погонями, террора, казни Короля и т.д. был, наконец, вместе с жирондистами, схвачен, брошен в тюрьму, допрашиваем, предстоял революционному трибуналу, был им осужден и приговорен к смертной казни, затем привезен на телеге к месту казни, возведен на эшафот, голова его была уложена на плаху и холодное острие гильотины уже ударило его по шее, причем он в ужасе проснулся... от того, что спинка железной кровати, откинувшись, с силой ударила его по обнаженной шее». ¹

Этот пример взят нами из работы П. Флоренского «Иконостас». Б. Успенский в своей статье «История и семиотика» так же обращается к подобным сновидениям. Оба исследователя обращают внимание на следующий казус: конечное событие сновидения подготовлено цепочкой других, предшествующих ему событий, но само это событие, очевидно, тождественно внешнему, которое явилось причиной всего сновидения. Если отождествлять внешнее событие и развязку сновидения, то «парадоксальным образом предшествующие события оказываются спровоцированными финалом при том, что в сюжетной композиции, которую мы видим во сне, финал связан с предшествующими событиями причинно-следственными связями». ²

Оба исследователя дают свое объяснение наблюдаемому явлению. Флоренский считает, что пространство сновидения – область мнимого пространства, поэтому время сновидения бежит в обратную сторону против времени бодрствования, а причина, вызвавшая сновидение, находится не до его вызванных следствий, а после всех них, «завершая весь ряд и определяя его не как причина действующая, а как причина конечная, *teloV*». ³ Успенский не соглашается с ним и дает свою трактовку: «Представим себе, что перед нами во сне проходят более или менее смутные (аморфные) и случайные образы, которые при этом как-то фиксируются нашей памятью. Образы эти, так сказать, семантически поливалентны – в том смысле, но они легко трансформируются (переосмысляются) и в принципе способны ассоциироваться – соединяться, сцепляться – друг с другом самыми разнообразными способами. Эти образы могут вообще никак не осмысляться во сне, но они откладываются в памяти – в пассивном сознании.

Вот хлопнула дверь, и мы восприняли (осмыслили) во сне этот шум как звук выстрела; иначе говоря, мы восприняли это событие как знаковое и значимое, связали его с определенным значением. Это восприятие оказывается, так сказать, семантической доминантой, которая сразу освещает предшествующие события – оставшиеся в нашей памяти, – определяя их прочтение, т.е. соединяя их причинно-следственными связями, мгновенно сцепляя их в сюжетный ряд... события мгновенно организуются,

выстраиваясь в линейный ряд: мы видим их сразу как бы озаренными внезапной вспышкой прожектора. Таким образом задается семантическая установка (семантический код), которая предполагает прочтение увиденного: события воспринимаются постольку, поскольку они связываются в сознании с конечным результатом.»⁴

Далее мы попытаемся дать свое объяснение, но сначала обратимся к предложенным выше интерпретациям.

Трактовка Успенского весьма интересна, но есть одно обстоятельство. Подобным образом он трактует не только сновидения, но и историческое прошлое, но в том-то все и дело, что для ретроспективной интерпретации событий (неважно – сна или истории), надо иметь представление о том, что эти события совершились именно в прошлом. Очевидно, что в случае истории так и есть, но в случае сна это не так. Ведь сон не есть какое-то осмысление событий прошлого, сознательное обращение к памяти с позиций сегодняшнего дня и подгонка событийного ряда под определенные представления. Как прошлое воспринимается весь сон в целом, в том числе и его финальное событие, но внутри самого сна события не интерпретируются по отношению к финальному событию как прошлое. В той же статье Успенский говорит, что прошлое всегда лежит в ином пространстве по отношению к настоящему. В рассматриваемой же группе сновидений все события лежат в одном пространстве и времени, воспринимаются как настоящее. Данное соображение не позволяет принять трактовку Успенского.

С другой стороны, Флоренский приписывает финальному событию сновидения некую конечную причинность, определяющую все сновидение, то есть рассматривает его как своего рода матрицу, но не учитывает, что эта «трансцендентная» функция не может рассматриваться на одном уровне с частной функцией – быть событием в одном ряду со всеми остальными и определяться этими событиями. В том-то и дело, что финальное событие сна не лежит за пределами сна, а является как раз «действующим», но не причиной, а следствием.

Теперь попробуем порассуждать сами.

Сначала отметим, что определяющее событие сновидения (совпадающее с внешней, вызвавшей его причиной) вовсе не обязательно находится в финале и является развязкой. Думается, каждый может вспомнить подобные сны. Для убедительности приведем два примера сновидений, пережитых автором настоящей работы.

Весь сон состоял из того, что я находился в комнате, в которую постоянно залетали осы и мухи, издававшие довольно громкое гудение, которое мне досаждало. Изгнать их никак не удавалось. В какой-то момент я проснулся и понял, что источником сна явился звук бензопилы за окном, трансформировавшийся в гудение насекомых. Это гудение сопровождало весь сон.

Я проснулся во сне (!) от стука в дверь, встал и в окно увидел, что около домика, в котором я ночевал, стоит повозка с дровами. У дверей стоял человек. Когда я проснулся по-настоящему, то услышал раскаты грома (начиналась гроза), которые во сне казались стуком в дверь. В данном случае событие, тождественное внешнему, находилось в начале сна, а не в его конце.

Однако, во сне, описанном в самом начале нашей заметки, и во всех подобных ему, определяющее событие находится именно в конце и является развязкой и финалом определенного сюжета. Как трактовать все эти случаи?

Что является общим для события внешней реальности, инициировавшего сон, и

подобного события в самом сне? Очевидно, то физиологическое ощущение, которое вызвало данное событие. Это может быть ощущение любого вида: слуховое, осязательное, обонятельное и т.п. Представляется, что это ощущение становится поводом для «порождения» сна сознанием. Сон заканчивается пробуждением, то есть сознание находится в переходном состоянии. Это состояние обладает особыми свойствами: сознание способно воспринимать внешние ощущения, но не способно интерпретировать их как именно внешние. Внешнее воздействие осознается только в состоянии бодрствования. Причем это воздействие должно продолжаться хотя бы еще короткое время, когда мы уже проснулись, чтобы можно было его зафиксировать и понять, что то или иное событие сна вызвано данным внешним событием, тождественно ему. В самом же сне мы просыпаемся не от внешнего события, а от внутренних событий сна. Никакого внешнего события не существует. В бодрственном состоянии мы воспринимаем внешний мир, а во сне, как условно внешний мир, так и условно наше внутреннее его восприятие полностью замкнуты на «внутреннее» сознание. Мир во сне замкнут сам на себя, представляет собой некое целое. Однако, определяющее событие в самом сне, как правило, почти совпадает с формой события внешнего, вызвавшего этот сон, так, что мы можем отождествить два этих события, идентифицировать их как одно и то же.

Предположим, нас разбудил звонок во сне, который оказался звонком в действительности. Это ощущение принадлежит сразу двум реальностям: оно воспринимается из внешней действительности, оно же порождает «сюжет» в сонной действительности. Сознание, получая сигнал извне, подбирает определенную интерпретацию этому сигналу, не осознавая того, что интерпретирует. Тем не менее определенная форма сигнала вызывает определенные образы у сознания. Так, например, стук в дверь может интерпретироваться как гром, и наоборот, гром, как стук в дверь, жужжание бензопилы за окном может превратиться в жужжание мухи или пчелы и т.д. и т.п. Но сознание не просто порождает образ, оно ищет мотивировки, подбирает контекст, в котором этот образ может реально существовать. Выстраивается целый мир.

Выскажем предположение, что внешнее раздражение порождает некий образ не только на уровне частного события в сновидении, но прежде всего на уровне целого. Весь сон в целом представляет собой символическую интерпретацию сознанием этого раздражения. Во внешней действительности это событие – лишь частность, но в мире сна оно определяет собой всю сонную действительность. Однако, звон звонка есть не только целое всего сна, но и частность этого сна; сознание дает сон не только как мгновенное ощущение, но и как последовательность событий во времени. Можно сказать, что образ, порожденный под воздействием физиологического ощущения, есть некий апофатический момент для сновидения (в диалектическом, а не теологическом смысле). Далее начинается собственно само сновидение, в котором главное частное событие тождественно с событием, породившем это сновидение в целом – определяющее частное событие в сновидении есть символ всего целого, которое есть, в свою очередь, символ внешнего раздражения. Если говорить о времени, то внутри времени сновидения все происходит вполне обыкновенно, как и в обыденной жизни. Никакого «встречного» времени тут нет. Но почему же частности подводят к искомому образу? Да потому, что он воплощен во всех этих частностях – в виде явлений или событий. В этом смысле Флоренский отчасти прав в своей трактовке.

Отчасти прав и Успенский, так как вполне можно предположить некое потенциальное, пассивное, аморфное состояние сознания во сне, которое активизируется в конкретное сновидение. Но «лучом прожектора» здесь будет не частное событие сновидения, а апофатическое целое этого сновидения, воплощающееся в сознательный «меон» («ничто») и формирующее из него конкретные образы.

Итак, значимое событие во сне вовсе не является истинной причиной сновидения, говорить об этом можно лишь в символическом смысле, так как оно является символом целого, породившего это сновидение, а это целое и есть его истинная причина. Но целое это вовсе не лежит во времени развертывания частных событий сна, оно лежит вне этого времени, вообще вне времени, являясь моментальной реакцией сознания на внешний раздражитель (мы здесь говорим не о физическом или физиологическом процессе, а о процессах на уровне самого сознания как такового). Это моментное, вневременное реагирование оказывается вечностью для времени внутри сновидения. Мгновенное порождение целого образа развертывается в конечную длительность событийного и временного ряда внутри сна. Причем этот ряд может быть и очень коротким, и очень длинным – от секунд до тысячелетий внутри сна. Все зависит от прихоти сознания.

Немаловажный момент, что интерпретация обычно весьма отличается от внешнего раздражителя. Большую роль здесь играет не само событие, вызвавшее сон, а круг впечатлений и образов, «волнующих» сознание. Сознание оставляет только самую общую форму, символ действительного явления, но эта форма подвергается интерпретации в соответствии с нуждами самого сознания, с его субъективным миром. Трансформация может быть весьма и весьма значительной. Внешнее явление здесь скорее для сознания повод к творчеству, чем определяющая величина. Даже на физиологическом уровне ощущение, вызвавшее сновидение, может трансформироваться под влиянием сознания – слуховые ощущения от грохота грома и стука в дверь, например, весьма различны.

Итак, мы получаем следующую модель:

1. Внешний неосознаваемый раздражитель, воспринимаемый во сне на уровне физиологического ощущения.
2. Сонный образ как целое сновидения, порожденный под воздействием этого ощущения и сохраняющий с ним символическую связь.
3. Воплощение «трансцендентного» целого в ряд взаимосвязанных частных, в числе которых – символ этого целого.
4. Последний этап – пробуждение, причиной которого осознается внешний раздражитель, но уже как реальное и осознаваемое событие одновременно с причиной внутри самого сна. Внешний и внутренний поводы для пробуждения осознаются как тождественные на уровне бодрствования.